© ЭО, 2005 г., № 4

Э.Л. Нитобург. Рец. на: ***А.А. Хисамутдинов. В Новом Свете, или История русской диаспоры на Тихоокеанском побережье Северной Америки и Гавайских островах*** *Владивосток, 2003.*

После распада СССР и появления в странах СНГ русских диаспор это понятие, да и само слово диаспора, почти вышедшее из обихода в советское время, стало одним из весьма широко употребляемых и обсуждаемых в вопросах внутренней и внешней политики, а также в разных отраслях гуманитарных наук и знаний. В ряде институтов РАН и крупнейших научных библиотек созданы центры изучения и отделы русского зарубежья, а в Институте этнологии и антропологии РАН по заказу Госдумы был разработан проект диаспоральной политики РФ. С 1999 г. выходит солидный научный журнал "Диаспоры", в нем и в других научных изданиях развернулась дискуссия по поводу содержания понятий "диаспора" и "диаспоризация".

Но если о русских диаспорах в странах ближнего зарубежья уже накоплен и опубликован достаточно большой научный материал, то о русском населении стран дальнего зарубежья этого сказать никак нельзя. Причем меньше всего мы знаем сейчас об истории, жизни и судьбах русского населения США – страны, где в XX в. сложилась крупнейшая ныне русская диаспора дальнего зарубежья. В советское время изучение этой темы, как известно, неофициально было "табуировано", но сейчас оно совершенно необходимо.

Не случайно поэтому мое внимание привлекла монография А.А. Хисамутдинова. Знакомство с этой книгой показало, что ее автор, профессор одного из дальневосточных вузов, поработавший в архивах и библиотеках Москвы, Санкт-Петербурга, Владивостока, Хабаровска, получив полдюжины американских исследовательских грантов и приглашений от фондов Фулбрайта, МакАртура, АЙРЕКСа и др., в 1992–2002 гг. основательно потрудился в Федеральном архиве и Библиотеке Конгресса США в Вашингтоне, Колумбийском университете в Нью-Йорке, университетах, музеях Гонолулу (Гавайи), Джуно (Аляска), Сиэтла (штат Вашингтон), Сэйлема (Орегон), Беркли, Лос-Анджелеса, Сакраменто, Сан-Франциско (Калифорния), Ванкувера (Канада). Результатом оказался выявленный и тем самым введенный им в научный оборот обширный круг почти неизвестных и ранее недоступных нашим исследователям документов и материалов, хранящихся в архивах, университетах и частных коллекциях потомков российских иммигрантов в США. Уникальная возможность использовать их позволила А.А. Хисамутдинову собрать большой новый фактический материал, весьма значительная часть которого почерпнута им из сохранившихся за многие десятилетия подшивок местных русскоязычных газет и журналов, представляющих документальную базу основных глав его исследования.

Монография включает авторизованное введение с кратким историографическим обзором, шесть глав, краткое послесловие, перечень источников и литературы. Первая глава – "Начало эмиграции, иммиграция в Америку и формирование русской диаспоры" – является вводной, где автор излагает свое понимание этих и ряда других проблем, связанных с темой исследования, а также приводит фактический материал о некоторых общих аспектах процесса адаптации в Америке и социокультурной деятельности общин "русских американцев". Вторая глава – "Русские Гавайи", хотя лишь опосредованно и практически мало связана с жизнью русской диаспоры в США, тем не менее весьма интересна сама по себе, поскольку знакомит с большим, новым для современного читателя фактическим материалом о любопытных эпизодах истории и деятельности россиян на экзотических островах в центре Тихого океана. Остальные главы, в соответствии с избранным А.А. Хисамутдиновым принципом деления русских общин в Америке на малые (менее 5 тыс. взрослых жителей) и большие, называются: третья – "После продажи Русской Америки: Аляска, Тихоокеанское побережье Канады, штаты Вашингтон, Орегон и Калифорния" (малые общины); четвертая – "Русские в Сиэтле"; пя-

---

Эдуард Львович Нитобург – доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, специалист по истории и этнографии стран Северной Америки (Москва).

тая – "Сан-Франциско – неформальная столица русской диаспоры"; шестая – "Русский Лос-Анджелес и Голливуд".

В этих составляющих костяк монографии главах автор рассказывает, как в больших и малых городах Тихоокеанского побережья Северной Америки оседали русские выходцы из России/СССР, как возникли их общины и сформировалась западная часть русской диаспоры в США, характеризует роль и деятельность созданных ею этнических общественных институтов (православная церковь, русскоязычные пресса, профессиональные, политические, культурно-просветительные, творческие, благотворительные, молодежные и др. организации). На многочисленных примерах и приводя в каждой из четырех глав десятки имен конкретных людей, он показывает трудности адаптации к жизни в Америке, а также различные аспекты их деятельности в процессе структурной и социокультурной интеграции русских общин с американским "большим обществом".

Следует при этом отметить, однако, что социокультурной сфере жизни и деятельности общин, а следовательно и русской диаспоры, уделено (на наш взгляд, неправомерно) на порядок большее авторское внимание, чем социально-экономической сфере. Для специалистов наиболее интересными разделами книги могут оказаться историографический обзор и Перечень источников и литературы, в котором, правда, встречаются повторы, но почему-то отсутствуют некоторые непосредственно связанные с темой монографии труды американских (не говоря уж о российских) авторов (например: *Day G.M.* The Russians in Holliwood. Los Angeles, 1934; *Govorchin G.G.* From Russia to America with Love. Pittsburgh, 1993).

В целом выявленный А.А. Хисамутдиновым круг источников и представленный им большой новый фактический материал, несомненно, являются важным шагом вперед в изучении истории русского зарубежья в США. Однако аналитические "компоненты" монографии следовало бы резко усилить, в том числе за счет четкого определения во введении целей, а в полноценном заключении – четких выводов (вместо куцего и расплывчатого послесловия, с. 298–301) о результатах исследования. Не свободна монография не только от отдельных мелких огрехов и фактических ошибок, но и от некоторых концептуальных недоработок.

Трудно, например, согласиться с мнением автора о том, что выходцы из России по численности и экономико-хозяйственному потенциалу – "одна из доминирующих составляющих населения США" (с. 7–8), или с утверждением об "устойчивой русской диаспоре" в США, "созданной еще в 19-м веке" (с. 9). Явным преувеличением является заявление о "массовом перемещении русского населения из Европы и Китая на американский континент" после Второй мировой войны, если учесть, что доля именно русских среди так называемых перемещенных лиц вообще и в том числе попавших в США не превышала 7% (см.: США–Канада: ЭПК. 1999. № 1. С. 84–91; № 2. С. 80–86; История СССР. 1990. № 4. С. 39). Или еще одна "мелочь": читатель, вероятно, сможет объяснить себе, почему оказавшиеся на Аляске "кавказцы", бывшие на с. 130 "осетинами и черкесами", на с. 131 стали "настоящими ингушами"; но кто сможет объяснить, почему русские духоборы, "официально освобожденные" в 1901 г. в Канаде от воинской службы (с. 141), в 1931 г. "активно протестовали против службы в армии" (с. 143), а в 1934 г. за это же были лишены там права голоса (с. 145)?

Пренебрежение автора к работам отечественных исследователей данной проблематики (Ш.А. Богина, К. Воблый, В.М. Кабузан, Е.Н. Матросов, Э.Л. Нитобург, В.В. Оболенский (Осинский), В.С. Патканов, С.Г. Федорова и др.) также оказалось причиной отдельных казусов. Иначе как можно воспринять утверждение о том, что "назвать точную цифру русских (оставшихся на Аляске после продажи ее Россией в 1867 г. – *Э.Н.*) трудно" (с. 130), зная о существовании специального труда на эту тему, где сказано, что к 1867 г. там было 500 русских, 1500 креолов и от 24 до 29 тыс. аборигенов, а к 1870 г. – 483 русских, 1421 креол и 26 843 аборигена (*Федорова С.Г.* Русское население Аляски и Калифорнии. Конец XVIII века – 1867 г. М., 1972. С. 243).

Статистика подвела автора и в гораздо более важном, на мой взгляд, аспекте исследуемой проблемы. Во введении он говорит о создании в Америке "еще в 19-м веке… устойчивой русской диаспоры" (с. 9) и о том, что она является "одной из старейших в Америке", ибо "стала формироваться еще в середине 19-го века после продажи Российско-Американской компа-

нии" (с. 20), состоявшейся, как известно, в 1867 г., а также о том, что "за несколько столетий (подчеркнуто нами. – *Э.Н.*) русская диаспора в США смогла… сохранить внутри сообщества русскую культуру" (с. 8). Но согласиться с такого рода утверждениями в работе об истории русской диаспоры в США я никак не могу по целому ряду обстоятельств.

Во-первых, потому, что в действительности за полсотни лет, с 1820 по 1870 г. из Российской империи в США прибыло менее 8 тыс. иммигрантов, но русских среди них, по словам российских современников (К. Скальковский, Н. Славинский, А. Лопухин, Е.Н. Матросов и др.), почти не было. Да и в 1870–1880-х годах, по свидетельству того же А. Гончаренко, даже в Сан-Франциско "подавляющее большинство выходцев из России в то время были финнами" (с. 190). К началу XX в. общее число велико-, мало- и белорусов в США, прибывших из России, едва ли превышало 3–4 десятка тысяч. Из них великороссов, т.е. русских, было не более трети.

Далее, по словам автора, "с середины 19-го века и до ноября 1917 г. в США проживало от 1 до 1,5 млн. выходцев из России" (с. 11–12). И хотя смысл этой фразы не совсем ясен (ссылки на источник нет), но в действительности их было больше, ибо с 1870 по 1917 г. из России в США прибыло более 3 млн россиян ("рашенз") – евреев, поляков, прибалтов, немцев, в том числе до 350–400 тыс. велико-, мало- и белорусов, из которых 100–120 тыс. пришлось на долю великороссов, т.е. русских. Кстати, ошибается автор и утверждая в послесловии, что вторая ("белая") волна русской эмиграции в Америку была якобы более массовой, чем первая, дореволюционная (с. 298), ибо с 1918 по 1944 гг. в США прибыло не более 30–35 тыс. русских. И вновь ошибается он, ссылаясь на иммигрантскую газету "Русская жизнь" и сообщая, что в 1968 г. в США проживало 2150 тыс. русских (с. 64). Действительно, по переписи 1970 г. в США насчитывалось 1,97 млн, а по переписи 1960 г. – 2,3 млн "рашенз", но она же показала, что материнским, т.е. родным языком 35% этих "рашенз" был идиш, 32% – русский, 12% – литовский, а у остальных 21% – украинский, польский и др. К тому же отнюдь не все русскоязычные "рашенз" были русскими.

Во-вторых, независимо от продолжающихся в кругах научной общественности дискуссий по поводу тех или иных аспектов содержания понятия "диаспора", даже с точки зрения употребления его на обыденном уровне, диаспора отличается от обычной группы иммигрантов в любой стране не просто и не только этническим, этнорасовым или этноконфессиональным составом, но созданной хотя бы тремя–четырьмя поколениями потомков этих иммигрантов организованной инфраструктурой, включающей и сохраняющей в той или иной мере такие компоненты, как традиционная культура, в том числе язык, диверсифицированный социальный состав, в том числе творческая интеллигенция, система общественных защитных этнических институтов и организаций, учебных заведений и СМИ. Такой инфраструктуры у немногочисленного русского населения США в XIX в. не было, да и едва ли она бы сложилась, если бы не последовавшие "подпитки" его, особенно в результате второй и третьей волн относительно массовой иммиграции туда русских в XX в.

В-третьих, потому, что не разделяю подход автора к определению им ключевого понятия своего исследования – "русская диаспора". Во введении к монографии читателю сообщается, что "в США существует много диаспор выходцев из России – еврейская, украинская, армянская и др. Они почти не поддерживают контакты друг с другом, замыкаясь в чисто национальных проблемах" (с. 9). Но «так как русский язык является основой не только общения, но и скрепляющим фундаментом подавляющего числа иммигрантов из России, было решено (видимо, самим автором. – *Э.Н.*) выделить особый термин "русская диаспора", предпочитая слово "русские" слову "россияне"» (с. 10). А затем, в качестве аргумента в пользу такого предпочтения, автор цитирует ст. 3 Устава Русского благотворительного общества (практически "кассы взаимопомощи"), созданного в 1883 г. группой осевших в Сан-Франциско выходцев из России: «Под именем "русский" разумеется всякий, кто родился в России и состоит или состоял в ее подданстве без различия религии и племени» (с. 11). Я могу, конечно, понять положение и логику составителей этого устава, но логика и аргументация такого подхода к определению понятия "русская диаспора в США" мне не кажется научной и убедительной.

Хотелось бы, чтобы при переиздании и доработке своего серьезного исследования автор учел некоторые из доброжелательных соображений рецензента.